

СТУДЕНЧЕСКІЯ КОРПОРАЦІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

въ 1830—1840 гг.

(Изъ воспоминаній бывшаго студента).

I.

Въ Россіи военный мундиръ не только не считался препятствіемъ для занятія гражданской должности, но, напротивъ, нерѣдко эполеты служили вѣрнѣйшимъ средствомъ «сдѣлать» блистательную карьеру. Въ описываемое мною время никого не удивляло, что гусарскій полковникъ занималъ должность оберъ-прокурора въ св. синодѣ, бывшій полицеймейстеръ — директора высшаго учебно-воспитательнаго заведенія, какой нибудь отставной капитанъ-лейтенантъ — директора училищъ и т. д. Даже двое изъ университетскихъ преподавателей — профессоръ минералогіи и геогнозіи и доцентъ астрономіи — носили эполеты. Послѣ того понятно, почему заботливые родители, желавшіе видѣть своихъ чадъ на высшихъ государственныхъ постахъ, слѣшили ихъ заблаговременно облечь въ военную куртку, какъ первую необходимую ступень къ эполетамъ и будущимъ почестямъ. Впрочемъ, молодыхъ людей, не справляясь съ ихъ способностями и наклонностями, часто опредѣляли въ военно-учебныя заведенія также и по такимъ соображеніямъ: кадетскіе корпуса представляли для экономныхъ родителей то удобство, что дѣти ихъ могли туда поступать почти вовсе не подготовленными, воспитываться на казенный счетъ, а главное — избавляли отъ дальнѣйшихъ попеченій и заботъ о нихъ. Всѣ эти льготы достигались не вполне, весьма немногими и съ большимъ затрудненіемъ въ существовавшихъ тогда гражданскихъ интернатахъ. Учрежденіе училища Правовѣдѣнія, въ концѣ 1835 г., произвело какъ бы внезапный переворотъ въ головахъ нашихъ роди-

телей. Мысли о превосходствѣ военной карьеры значительно колебались отъ блестящей перспективы видѣть своего сына, еще недостигшаго совершеннолѣтія, уже въ чинѣ 9-го класса.

На скамьяхъ петербургскаго университета еще съ 1833 г. стали понемногу появляться студенты съ громкими аристократическими именами, но очень замѣтный ихъ приливъ начался собственно съ 1835 и 1836 гг. Поступивъ въ университетъ въ этомъ послѣднемъ году, я засталъ тамъ на разныхъ курсахъ, между прочими знатными товарищами: князей А. Щербатова, А. И. Васильчикова, С. Долгорукова, А. и В. Голицыныхъ, С. Кочубея, Бярятинскаго, графовъ П. Шувалова, К. Толя, А. и В. Блудовыхъ, И. Рибопьера, двухъ Лонгиновыхъ и др. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ названныхъ лицъ, не смотря на свое полное университетское образованіе, какъ бы усумнились въ пользѣ и выгоды гражданскаго служебнаго поприща: немедленно по снятіи съ себя скромнаго студенческаго мундира облеклись въ болѣе блестящіе кавалергардскіе и гусарскіе дослѣхи и перешли отъ теоретическихъ занятій *congruis juribus* и пандектами къ практическимъ—въ казармахъ, манежахъ и вахтпарадахъ. Не могу скрыть, что насъ, простыхъ смертныхъ, крайне изумляло эта непослѣдовательность въ убѣжденіяхъ нашихъ товарищей и ихъ рѣзкій переходъ изъ области научной въ область шагистики и зуботычинъ—главнѣйшихъ атрибутовъ военной службы того времени. Особенно удивляла насъ рѣшимость превратиться въ «пушечное мясо» такой выдающейся свѣтлой головы, какъ А. Л., убитаго на Кавказѣ. Изъ моихъ современниковъ, сколько мнѣ извѣстно, только одному изъ тѣхъ, кто промѣнялъ тогу на военный мундиръ, удалось добиться высшихъ военныхъ степеней,—это кн. Д. К.—у.

Нѣкоторые изъ студентовъ упомянутой категоріи, выросшіе подъ надзоромъ гувернеровъ, не могли съ ними разстаться и въ стѣнахъ университета. Появленіе этихъ менторовъ въ аудиторіяхъ, не только на первомъ, но и на второмъ курсѣ, не могло не шокировать нашего самолюбія, ибо приравнивало студента къ любому ученику. Впрочемъ, такъ какъ большая часть этихъ пѣстунговъ были французы, то они, кажется, вовсе не думали стѣснять свободы своихъ питомцевъ и *en bon samaritan* сопровождали ихъ не только въ университетъ, но и къ Елисейву (въ биржевыя лавки) и въ другія менѣе дозволенныя мѣста удовольствій.

1836 годъ былъ послѣдній годъ помѣщенія университета въ очень невзрачномъ зданіи, въ Кабинетской улицѣ, противъ Семеновскихъ казармъ, гдѣ нынѣ синодальное подворье. Помѣщеніе было очень тѣсное, такъ что нѣкоторыя лекціи читались въ актовомъ

загъ, а другія, неизмѣнныя ничего общаго съ зоологіей, въ зоологическомъ кабинетѣ. Даже случалось, что профессоръ съ своими слушателями бродили и отъискивали свободную аудиторію. Съ этого же года довольно пустынная Кабинетская улица внезапно оживилась и у подъезда жалкаго университетскаго зданія стали появляться щегольскіе экипажи, изъ которыхъ выпрыгивали молодцами юноши въ треуголкахъ и дорожныхъ бобрахъ. Любопытно, что шпаги были даны студентамъ не одновременно съ треугольными шляпами, но нѣсколько недѣль спустя, осенью въ томъ же 1836 г. Должно сознаться, что приливъ къ университету лицъ изъ высшихъ сословій сталъ замѣтно отзываться къ лучшему на студенческихъ нравахъ и обычаяхъ. Понятія солидарности, товарищества стали все болѣе прививаться, а изъ устъ нашего любимаго попечителя кн. Дондукова-Корсакова (любимаго преимущественно за его рѣдкое вмѣшательство въ университетскія и студенческія дѣла), нерѣдко приходилось намъ слышать даже такія слова какъ *esprit de corps* и т. п.

Немогу положительно утверждать, возникла ли мысль объ устройствѣ корпораціи въ этомъ же 1836 г., но что корпорація уже существовала въ 1837 г., о томъ свидѣтельствовали тогда, между прочими, слѣдующіе несомнѣнные признаки. Въ шинельной, которая служила намъ въ то же время курительной и мѣстомъ для завтрака, стали появляться сплоченныя группы студентовъ и оттуда нерѣдко слышался знакомый мнѣ напѣвъ той или другой бурсацкой пѣсни переведенной съ нѣмецкаго бывшимъ дерптскимъ студентомъ Н. М. Языковымъ¹⁾, или вылетало какое-либо слово, заимствованное изъ бурсацкаго жаргона. Моя догадка вполне подтвердилась, когда одно событіе—попечина, данная студенту Н. студентомъ К.—раздѣлило всѣхъ студентовъ на два враждебныхъ лагеря—корпорантовъ и некорпорантовъ. Въ этомъ некрасивомъ дѣлѣ корпорація обнаружила свое инкогнито, выступивъ съ рѣшительнымъ требованіемъ самосуда надъ студентомъ К., не желавшимъ подчиниться ея приговору. Мнѣ не извѣстно, какого рода удовлетвореніе долженъ былъ дать нанесшій оскорбленіе—вызова на дуэль со стороны безобидливаго Н. предполагать было нельзя—но К., на сообщенный ему приговоръ товарищей, отвѣчалъ такой цинической выходкой, что корпораціи ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ потребовать его исключенія изъ универ-

¹⁾ Если не ошибаюсь, поэтъ Н. М. Языковъ, вмѣстѣ съ А. Н. Карамзинимъ, убитымъ въ восточную войну при Баракулѣ 1854 г., были основателями корпораціи „Рутенія“, въ Дерптѣ.

ситета. Но большинство студентовъ, ничего не знавшее о существованіи какой либо корпораціи, не пожелало признать дѣйствительнымъ приговоръ неизвѣстнаго ему трибунала, и, истолковавъ все это дѣло совершенно въ другую сторону—какъ присвоеніе аристократической партіей исключительнаго права судить и рѣшать студенческія дѣла—оказало сильную оппозицію. Произошло между студентами значительное волненіе, по всей вѣроятности, первое, съ основанія университета, начались сходки въ аудиторіяхъ, явились ораторы pro и contra, но въ концѣ концовъ побѣда осталась за корпораціей и К., по волѣ попечителя, долженъ былъ оставить университетъ. Неожиданно явившійся между студентами антогонизмъ имѣлъ также свою хорошую сторону. Нѣсколько некорпорантовъ, желая парализовать вліяніе сплотившейся, такъ называемой аристократической партіи, какимъ либо учрежденіемъ, въ которомъ приняли бы участіе всѣ студенты, задумали учредить кассу для вспоможенія нуждающимся товарищамъ. Для образованія фонда положено было вносить ежемѣсячно по одному рублю, но такъ какъ болѣе достаточные изъ студентовъ, корпоранты, почти вовсе не сочувствовали этому дѣлу и постоянно уклонялись отъ опредѣленныхъ взносовъ, то эта касса, просуществовавъ года два, скончалась отъ истощенія.

Еще рельефнѣе обнаружались признаки студенческой организаціи при оваціи, сопровождавшей погребеніе студента кн. Л. Р., покончившаго свою жизнь самоубійствомъ ¹⁾. Преждевременная утрата этой энергической и уважаемой, какъ корпорантами такъ и некорпорантами, личности произвела глубокое впечатлѣніе и огромная процессія студентовъ, въ полной формѣ сопровождавшихъ гробъ до самаго кладбища (близъ фарфороваго завода) и имѣвшая видъ нѣкоторой демонстраціи, не только свидѣтельствовала о всеобщемъ сочувствіи любимому товарищу, но и о той связи, которая существовала между покойнымъ и корпораціей.

Но еще болѣе явно заявила себя корпоративная организація извѣстнаго кружка студентовъ въ демонстраціи противъ профессора Шакѣева. Всеобщая исторія читалась въ двухъ высшихъ курсахъ профессоромъ И. В. Шульгинимъ, а въ двухъ низшихъ—М. С. Бурторгою, въ то время еще очень либеральнымъ и потому обожаемымъ студентами всѣхъ курсовъ. Вдругъ пронесся слухъ, что къ филоло-

¹⁾ Причиной этой прискорбной катастрофы, какъ говорили, были невыносимый деспотизмъ отца и данная имъ сыну пощечина. Самолюбіе бурша не могло снести оскорбленія... и молодой князь найденъ былъ застрѣлившимся въ кабинетѣ.

гамъ назначается новый профессоръ исторіи, изъ преподавателей юнкерскаго училища, protégé нелюбимаго Шульгина. И вотъ на вступительную лекцію ни въ чемъ неповиннаго г. Шакѣва нахлынула въ самую обширную аудиторію (XI) огромная гурьба студентовъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ съ единственною, кажется, дѣлюю опикать новаго профессора. Я забылъ сказать, что членами корпораціи были почти исключительно юристы, а такъ какъ г. Шакѣвъ назначался къ филологамъ, то, казалось, имъ бы и не слѣдовало мѣшаться въ чужое дѣло; но посредствомъ этой демонстраціи желали также заявить свое сочувствіе профессору Куторгѣ и потому первый сигналъ къ опиканію послѣдовалъ изъ лагеря корпорантовъ. Скандалъ вышелъ полнѣйшій и присутствовавшее начальство—печетель, ректоръ (Шульгинъ) и инспекторъ, совершенно растерявшись отъ неожиданной смѣлости студентовъ, повторивъ безуспѣшно нѣсколько разъ слова: господа! господа!—поспѣшили убраться изъ аудиторіи, наполненной шумомъ и гамомъ. На слѣдующей затѣмъ лекціи профессора Куторги, онъ былъ встрѣченъ восторженными рукоплесканіями и по окончаніи оной вынесенъ студентами на рукахъ съ гѣстницы. Если не ошибаюсь, эти аплодисменты были первые, которые раздались въ аудиторіяхъ университета и съ этихъ поръ они стали употребляться кстати и некстати. Замѣчательно, что никому изъ гг. профессоровъ не приходило на умъ, серьезнымъ словомъ и дружескимъ совѣтомъ вразумить своихъ слушателей о неумѣстности въ учебномъ заведеніи подобныхъ театралныхъ манифестацій. Правда, одного изъ нихъ, профессора Н. Г. Устрялова, эти аплодисменты всегда какъ-то коробили и на его апатичномъ лицѣ появлялась недовольная гримаса, но и онъ предпочиталъ отдѣлываться отъ нихъ молчаніемъ ¹⁾. Что же касается опиканнаго г. Шакѣва, должно замѣтить, что не смотря на случившееся съ нимъ, онъ ни мало не смущаясь, продолжалъ свои лекціи, хотя ихъ и посѣщали только одни казенные студенты, отъ 10 до 15 филологовъ, которые находились подъ ферулой инспектора. Въ слѣдующемъ семестрѣ г. Шакѣвъ куда-то ступевался и вскорѣ за тѣмъ заступилъ его мѣсто М. И. Кастор-

¹⁾ Въ своей автобіографіи (Древ. и Нов. Россія 1880 г. № 8) говоритъ Устряловъ: „я читалъ увлекательно для слушателей“. Онъ выразился не совсемъ точно: способъ его чтенія былъ крайне монотонный, неодоушевляющій, рѣчь хотя и гладкая, какъ по книгѣ, но утомительная постоянными вставками частыци: „ну—съ“. Аплодировали Устрялову исключительно на курсѣ новой исторіи Россіи—предметѣ увлекательномъ своей повизной.

Авторъ.

скій, читавшій также славянскую филологію. Хотя лекціи этого профессора были крайне сухи и скучны, самъ же онъ, по своей не-красивой и неуклюжей фигурѣ, сильно напоминалъ семинариста, но его уважали за его ученость, а главное за то, что онъ учился за границей. Надо знать, что въ это время блистали на своихъ кафедрахъ только-что возвратившіеся изъ за-границы профессора Калмыковъ, М. Куторга, Иван'овскій, Баршевъ, Кранихфельдъ, Порошинъ, и что мы всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ случая черпнуть учености въ иностранныхъ университетахъ, считали, à tort ou à raison, людьми отсталыми и дурными профессорами. Можетъ быть, мы были не совсѣмъ правы относительно нѣкоторыхъ старыхъ профессоровъ, но что съ появленіемъ выше наименованныхъ молодыхъ, началась для петербургскаго университета новая эра, въ томъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Но обратимся къ нашей корпораціи.

II.

Помнится, въ концѣ 1837 г. стали между ея членами происходить несогласія изъ за нѣкоторыхъ правилъ корпораціоннаго устава и нѣсколько вліятельныхъ корпорантовъ, въ томъ числѣ Я. и Ѳ. Соловьевы, братья Шишковы, баронъ Бахъ, Лихтенштейнъ, вышли изъ ея состава и около этого же времени и въ тотъ самый моментъ, когда корпораціи грозило совершенное разстройство, появилась на горизонтѣ нашего буршеншавства новая яркая звѣзда П. Прейсъ¹⁾, студентъ дерптскаго университета, исключенный оттуда за какую-то уличную демонстрацію. Корпоранты изъ нѣмцевъ тотчасъ же сгруппировались около него, какъ чловѣка опытнаго въ дѣлахъ бурсацкихъ, и ими же былъ написанъ изъ Дерпта дѣйствующій тамъ студенческой команъ (уставъ), и вслѣдъ затѣмъ изъ прежней одной корпораціи составились двѣ: русская—Ruthenia и нѣмецкая—Baltica. Не припомню, чѣмъ отличались между собою команы той и другой, но знаю, что на коммерцахъ обѣихъ корпорацій, на которыхъ мнѣ случалось участвовать, продѣлывались одни и тѣ же, заимствованные отъ нѣмецкихъ университетовъ, обряды, какъ-то: Landesvater, Fürst von Thoren и т. п. Корпораціонные «цвѣта», присвоенные знамена корпораціи и фуражкамъ членовъ ея, были едва-ли не единственными отличительными признаками этихъ друхъ корпорацій. «Цвѣта» Рутеніи были: оран-

¹⁾ Его не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ славянистомъ П. И. Прейсомъ.

Авторъ.

жвѣнй, бѣлый и черный, а Бальтики—голубой, бѣлый и золотой. Фасонъ фуражекъ у первой былъ военный, съ высокой тульей, у послѣдней—съ низкой, на манеръ дерптскихъ.—Въ мое время обѣ корпораціи жили между собою въ ладу, и я не припомню ни одного «скандала» (дуэли) между членами той и другой, но «скандалы» между студентами одной и той же корпораціи случались. Они происходили исключительно на эскадронахъ, причемъ болѣе выдающіяся и опасныя части тѣла, для безопасности отъ ударовъ, прикрывались различными оригинальными доспѣхами, изготовленными изъ толстой кожи; потому неудивительно, что эти дуэли обыкновенно кончались ничѣмъ, или весьма неопасными порѣзами. Съ подобной ранкой на плечѣ, стянутой присутствующимъ медикомъ липкимъ пластыремъ, я, однажды, преспокойно отправился на лекцію и записывалъ ее какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на пропитанный кровью рукавъ сорочки. Помню, однакожъ, случай, который могъ имѣть для раненаго весьма дурной исходъ: нѣмцу К. Э. вленили такъ ловко «секунду» (ударъ подъ мышку), что онъ едва не истекъ кровью и долженъ былъ выдержать долгія карантинъ. Вообще, дуэли происходили чаще между корпорантами Бальтики, потому-ли, что у нихъ правила «комана» соблюдались съ большимъ педантизмомъ и строгостью, или по той причинѣ, что нѣмецъ, пропустивъ нѣсколько стакановъ пуншу (обыкновенный на комерцахъ напитокъ), вообще, дѣлается задорнѣе, завосчивѣе, тогда какъ русскій въ подобномъ же состояніи становится добродушнѣе, снисходительнѣе.

Въ описываемую эпоху обыкновеннымъ мѣстомъ для поединковъ служила гостепрѣимная квартира студента-сибарита К., проживавшаго въ одномъ изъ домовъ, выходящихъ на Михайловскую площадь. Въ подобныхъ случаяхъ, изъ предосторожности, усмалась прислуга со двора и на окнахъ спускались шторы. Последнее было тѣмъ болѣе необходимо, что на площади нерѣдко, не знаю по какому случаю, съѣзжались жандармы. Такъ какъ приготовленія для дуэли были немалыя: нужно было прискаты удобное помѣщеніе, доктора, отточить оружіе, а, главное, дать время дуэлистамъ, иногда неимѣвшимъ никакого понятія о фехтованіи, приобрести нѣкоторую практику въ искусствѣ кровопусканія другъ у друга, то обыкновенно нѣсколько такихъ дуэлей пригонялось къ одному и тому же сроку. Такого срока приходилось дуэлистамъ ожидать иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, и во все это время запрещалось имъ всякое между собой сношеніе, даже разговоръ другъ съ другомъ, когда причина ссоры, обыкновенно происшедшей подъ пьяную руку, уже давно была забыта. Впрочемъ, въ «Русской» корпораціи это правило не всегда строго соблюдалось.

Послѣ поединка соперники подавали другъ другу руку и затѣмъ обыкновенно слѣдовали хорошая попойка и удалныя пѣсни.

Всѣ эти наши затѣи, вѣроятно, будутъ мало понятны для нѣпшней университетской молодежи и вызовутъ улыбку презрѣнія: *tempora mutantur et nos mutamur in illis!* Все хорошо въ свое время, и рекомендовать студенческія корпоративныя порядки 1830 и 1840 годовъ для настоящаго времени было бы довольно странно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы устарѣвшіе студенческіе обычаи вовсе не заключали въ себѣ разумнаго смысла. Подобно тому какъ въ средніе вѣка турниры и т. п. рыцарскіе обряды были полезны для обузданія грубыхъ страстей и содѣйствовали смягченію нравовъ, такъ и студенческая корпорація съ своимъ «команомъ», этимъ кодексомъ правилъ чести и приличія, не могла не вліять воспитательно и культурно на разнонародныя массы молодыхъ людей, сходящихся во имя науки со всѣхъ странъ свѣта, преимущественно въ небольшихъ университетскихъ городкахъ, царствѣ средневѣковаго мрака грубыхъ нравовъ, предрасудковъ и суевѣрія. Точно также и наши корпораціи, не смотря на ихъ молодость и недостатокъ добрыхъ традицій, сослужили свою посильную службу, едерживая неразумную и подчасъ бурливую молодежь въ предѣлахъ благоразумія и приличія. Мнѣ неоднократно приходилось быть свидѣтелемъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, непрошедшихъ школы корпорационныхъ порядковъ, несмотря на свое знатное происхожденіе, вели себя подобно школярамъ самаго низшаго разбора. Однажды, одна изъ дерптскихъ корпорацій праздновала свой лѣтній комерштъ въ одномъ губернскомъ городѣ Остзейскаго края и пригласила въ качествѣ гостей, между прочимъ, и трехъ петербургскихъ студентовъ. Признаюсь, мнѣ пришлось краснѣть за мой университетъ: такъ безобразно вели себя его питомцы. Хвативши, свыше мѣры, даровъ Бахуса, двое изъ нихъ, не смотря на свое высшее свѣтское образованіе—это были князья—выказали передъ обществомъ студентовъ, находившихся въ не менѣ возбужденномъ состояніи, инстинкты и манеры самаго дурнаго тона. Хозяева, смотря на странныя выходки своихъ столичныхъ гостей, только пожимали плечами и сострадательно улыбались; а между тѣмъ большая часть изъ нихъ были плебей: сыновья ремесленниковъ и т. п. Должно замѣтить, что въ это время въ петербургскомъ университетѣ корпораціи уже болѣе не существовали. Но приведу для сравненія другой примѣръ воспитательнаго вліянія корпораціи на нравы студентовъ, относящійся къ періоду процвѣтанія петербургскихъ корпорацій.

Въ 1830 годахъ, въ Петербургѣ, не было ни одного клуба, гдѣ бы молодежи, любящей потанцовать и поволочиться, можно было отдохнуть

отъ своихъ серьезныхъ и болѣе или менѣе утомительныхъ занятій. Нѣмецкій, или т. наз. Шустерклубъ, считался для студента неприличнымъ, а первообразъ нынѣшняго «Благороднаго Собранія», «Америка» ¹⁾ только тѣмъ и отличался отъ обыкновенныхъ танцклассовъ, что въ немъ гораздо чаще происходили скандалы и побоища. Потому мы, студенты, отдавали предпочтеніе частнымъ шницбаламъ, даваемымъ различными домами, подъ видомъ празднованія своихъ именинъ или дня рожденія (такъ объявлялось, обыкновенно, полиціи), но съ главною цѣлью поправленія своихъ истощенныхъ финансовъ. На одномъ изъ такихъ баловъ, гдѣ студенты, благодаря своей джентельменской вѣщности, всегда считались желанными гостями (теперь не то; я даже подозреваю, не въ упрекъ будь это сказано, что большая часть нынѣшнихъ студентовъ вовсе не умѣетъ танцовать), одинъ изъ нихъ, въ порывѣ страсти, заблудся и въ глазахъ всего общества сталъ на колѣни передъ своей избранной, дамой весьма двухсмысленнаго поведенія. Это былъ не-корпорантъ, но присутствующіе при этой неблагообразной сценѣ корпоранты тотчасъ же окружили его, и дали ему, безъ обиняковъ, почувствовать, что онъ своимъ униженіемъ бесчеститъ студенческій мундиръ. Не въ мѣру вѣжливый кавалеръ сконфузился, но долженъ былъ сознаться въ неприличіи своего поступка.

Такъ какъ въ то время деревянные домики Васильевского острова, (теперь уже несуществующіе), вмѣщали въ себѣ нѣсколько маленькихъ квартиръ, то иногда мнѣ приходилось быть невольнымъ свидѣтелемъ невообразимыхъ безобразій и наигрязнѣйшихъ оргій, происходившихъ у тѣхъ изъ моихъ товарищей-сосѣдей, которые не были членами корпорации. Конечно, и корпоранты не всѣ были святые, но юношескія увлеченія ихъ были совершенно иного рода. Для сравненія, приведу жалобу одного домохозяина инспектору на своего постояльца, у котораго товарищи корпорации чаще всего собирались. «Вотъ до какого оворничества, доносилъ жаловавшійся, дошли, что даже на-канунѣ праздникова господнихъ собираются играть въ карты, пѣть пѣсни и драться на шпагахъ (упражняться въ фехтованіи). А когда звошелъ къ нимъ, приглашенный мною, кварталный поручикъ, то даже не встали передъ нимъ, и не надѣли скуртуковъ». Добрѣйшій Н. П. Филипповъ почему-то счелъ полезнымъ удовлетво-

¹⁾ Или „Соединенные Штаты“. Эта кличка дана была клубу, если не ошибаюсь, на томъ основаніи, что официальное его названіе было „Соединенное Общество“. „Облагороженіемъ“ своимъ клубъ, какъ извѣстно, обязанъ трудамъ А. П. Алѣксѣева, извѣстнаго въ свое время преподавателя словесности.

Авторъ.

рять жалобѣ домохозяина и засадить трехъ студентовъ въ карцеръ... на одинъ день. Дерзость доносчика взволновала нѣкоторыхъ корпорантовъ и рѣшено было принудить его подписаться на какой-то бумагѣ, содержаніе которой я забылъ, и вотъ отправились къ нему пѣлою толпою, но догадливый хозяинъ успѣлъ спрятаться и гнѣвъ студентовъ прошелъ безъ дальнѣйшихъ для него послѣдствій.

Я остановился на этихъ мелочахъ нашей жизни съ цѣлью показать то благотворное вліяніе, которое корпоративное устройство оказывало на студентовъ уже на самыхъ первыхъ порахъ возникновенія корпорацій. Если корпораціи въ нашихъ университетахъ ¹⁾ пользовались кратковременнымъ существованіемъ, то причину этого, я полагаю, должно, прежде всего искать въ непримѣнимости къ русскимъ нравамъ усвоенныхъ ихъ уставами иноземныхъ порядковъ. Затѣмъ, въ то время, какъ начальство дерптскаго и гельсингфорскаго университетовъ постоянно, болѣе или менѣе, гласно оказывало корпорационному началу постоянное покровительство, — въ русскихъ университетахъ корпорація считалась какимъ-то тайнымъ обществомъ и эфемерное существованіе ея зависѣло отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, въ петербургскомъ университетѣ отъ того, что въ 1830-хъ годахъ считала она въ своихъ рядахъ сына попечителя округа, а въ 1840-хъ — сына министра народнаго просвѣщенія ²⁾. Наконецъ, въ нашихъ инородныхъ университетахъ крѣпости корпоративнаго организма и преемственности (*continuité*) корпорационныхъ традицій не мало способствовала также та связь, которая никогда тамъ не переставала существовать между бывшими и настоящими корпорантами, между «буршами» и «филистерами», къ числу которыхъ принадлежали и профессора. Такъ, на дерптскихъ комершахъ не рѣдко въ кругу безбородыхъ юношей встрѣчали посѣдѣлыхъ академиковъ, генераловъ и сенаторовъ, являвшихся туда, въ качествѣ старыхъ корпорантовъ, въ своихъ старыхъ цвѣтныхъ фуражкахъ (*Farbendeckel*), чтобы тѣмъ выразить чувства привязанности къ своей *alma mater*. Мнѣ пришлось самому быть на одномъ изъ такихъ комершей, гдѣ мѣсто предсѣдателя, съ эспадрономъ въ рукахъ, занималъ

¹⁾ Меня увѣрили, что корпорація существовала также въ московскомъ университетѣ, и что ее занесли туда, въ концѣ 1820 годовъ, дерптскіе студенты, исключенные массою, по поводу какой-то исторіи.

²⁾ Не зная о существованіи корпораціи начальство петербургскаго университета не могло уже по той причинѣ, что на одинъ изъ комершей корпорации, въ Цароловъ, былъ приглашенъ инспекторъ студентовъ Н. П. Ф.

Авторъ.

нашъ знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ, тогда еще дерптскій профессоръ. Что касается гельсингфорскаго университета, то тамъ полезная связь корпорацій съ университетскимъ начальствомъ и между новымъ и старымъ поколѣніемъ корпорантовъ поддерживается, какъ извѣстно, постановленіемъ, предписывающимъ, чтобы во главѣ корпораціи всегда находился одинъ изъ профессоровъ, а на сходкахъ предсѣдательствовалъ избранный студентами бывшій ихъ товарищъ. Между тѣмъ, въ петербургскомъ университетѣ въ мое время всѣ отношенія профессора къ студентамъ прекращались за дверью аудиторіи ¹⁾ и первые наши наставники, кажется, и не подозрѣвали о существованіи какой-либо корпораціи. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ: а университетскіе обѣды? Но обѣды эти стали устраиваться гораздо позже, когда уже корпораціи давно прекратили свое существованіе, если не ошибаюсь, въ концѣ 1850 годовъ, и даже первыми ихъ устроителями были лица, никогда не принадлежавшія къ корпораціи (между прочими А. С. Вороновъ). Не отрицая нѣкоторой пользы мимолетнаго и почти исключительно внѣшняго сближенія и единенія питомцевъ одного заведенія, я не могу, однакожь, скрыть, что эти ежегодные обѣды способны возбуждать въ старомъ «буршѣ» болѣе грустныхъ, чѣмъ пріятныхъ чувствъ и мыслей. На этихъ, довольно многочисленныхъ, сборищахъ во имя товарищества можно во-очію убѣдиться, какъ велико разстояніе, отдѣляющее одно поколѣніе бывшихъ студентовъ отъ другаго, что такъ называемыхъ товарищей ничего не связываетъ,—не одушевляють ихъ никакія замѣтныя цѣли и идеалы. Иногда, правда, произносятся на этихъ обѣдахъ прекрасныя и восторженные речи, но красивыя слова не воплощаются въ красивыя дѣла. Мы видимъ, что не только здѣсь, въ одномъ и томъ-же помѣщеніи, общество послѣ обѣда разбивается на отдѣльныя группы, но что между бывшими студентами есть даже довольно многочисленный кружокъ, который празднуетъ совершенно отдѣльно и даже въ иной срокъ день основанія университета. Все это—вещи немислимыя въ университетахъ съ хорошо укоренившеюся корпоративною организаціей.

¹⁾ Если не ошибаюсь, единственнымъ исключеніемъ были отношенія, существовавшія, короткое время, между М. С. Куторгою и нѣкоторыми, весьма немногими, изъ его слушателей, которыхъ онъ руководствовалъ по занятіямъ исторіей, частнымъ образомъ, у себя на квартирѣ.

Авторъ.

III.

Въ послѣднее время университетскій, или вѣрнѣе, студенческій вопросъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ насущныхъ въ обществѣ и прессѣ. Одни видятъ панацею противъ, такъ называемыхъ, студенческихъ безпорядковъ въ увеличеніи числа субъ-инспекторовъ или переименованіи ихъ въ дерптскихъ педелей, другіе опять видятъ все спасеніе въ устройствѣ корпорацій. Не дурно было-бы сочинителямъ всѣхъ этихъ преобразовательныхъ проектовъ, прежде всего, проникнуться слѣдующими золотыми словами извѣстнаго педагога Дистервега. «Университетъ, говоритъ онъ, есть учрежденіе педагогическое и всѣ относящіяся къ нему мѣры должны обсуждаться не съ полицейской, юридической, финансовой, или какой другой точки зрѣнія, а исключительно съ педагогической». Университетскій наставникъ не долженъ также терять изъ виду еще то старинное изрѣченіе, которое говоритъ: *non scholae sed vitae discimus* (учимся не для школы, а для жизни) и отрѣшиться отъ совершенно односторонняго взгляда, что задача университета состоитъ въ приготовленіи ученыхъ, такъ называемыхъ, двигателей науки. Знаменитые двигатели науки, какъ можно видѣть на примѣрѣ Фарадея и многихъ другихъ, не всегда черпаютъ свои знанія изъ университетскаго источника.

Главною цѣлью всякаго высшаго образованія должно быть—образованіе полезнаго члена общества, честнаго гражданина и практическаго дѣятеля.

Особенно въ нашихъ университетахъ воспитательный элементъ долженъ былъ-бы стоять на первомъ планѣ. Положимъ, что иноземные университеты также еще далеко не достигли идеала высшаго образованія и воспитанія: и тамъ много времени растрачивается студентами—особенно въ Германіи (да и въ нашемъ Дерптѣ) и Франціи—непроизводительно и нерѣдко съ гибельными послѣдствіями для здоровья; но на западѣ общественная среда, съ помощью своихъ твердо установившихся обычаевъ и свято сохраняемыхъ традицій, обхватываетъ всякаго новоприбывшаго члена своего какъ-бы тисками и крѣпкою дисциплиною выжимаетъ изъ него всѣ недостатки университетской жизни. Благотворное вліяніе общества на своего члена поразительно особенно въ Германіи, когда вчерашній бурштъ-кутила является передъ нами сегодня въ образѣ степеннаго образцоваго «филистера». У насъ же совершенно наоборотъ—чуть-ли не каждый получившій высшее образованіе и самостоятельно мыслящій долженъ вступать въ борьбу съ обществомъ, въ борьбу непосильную....

Смотря на университетъ съ педагогической точки, начальство его должно всѣми зависящими отъ него средствами поощрять развитіе между студентами ассоціаціоннаго и корпоративнаго начала. Ошибаются весьма тѣ, которые утверждаютъ, что университетская молодежь должна только учиться и быть слѣпымъ и нѣмымъ относительно всего того, что вокругъ его совершается. Разсуждающіе такимъ образомъ приравниваютъ современные университеты тѣмъ школамъ, которыя пользовались неподобающимъ названіемъ университетовъ ихъ времени, а студента настоящаго поколѣнія — къ студенту 1820 и 1830 годовъ, который по своему развитію и образованію стоялъ гораздо ниже нынѣшняго гимназиста 6 класса. Les hommes se suivent, mais ne se ressemblent pas. Нынѣшній студентъ желаетъ быть не только лицомъ учащимся, но и «академическимъ гражданиномъ», и онъ имѣетъ на это названіе такое же право, какъ и дерптскій akademischer Bürger. Какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности такого гражданина, все-же нельзя ее отрицать, нельзя его лишить права быть представителемъ и двигателемъ этихъ интересовъ. Борьбѣ съ этими требованіями духовной природы сознающаго свое достоинство человѣка, принимать противъ нихъ «полицейскія и юридическія» мѣры, препятствовать организаціи студенческихъ кружковъ—все равно, что ставить преграды бурнымъ весеннимъ потокамъ, сооружать паровую машину безъ спасительнаго клапана и подготавливать внезапный взрывъ оной. Напротивъ, направивъ дѣятельность молодежи хотя-бы къ ихъ домашнимъ, исключительно студенческимъ дѣламъ и интересамъ, мы тѣмъ самымъ отвлекли бы ихъ мысли отъ политическихъ и соціальныхъ бредней. Рядомъ горькихъ опытовъ у насъ, наконецъ, стали сознавать необходимость какой-либо организаціи студенческаго общества и вопросъ остановился только на томъ, какого рода корпорація удовлетворитъ наиболѣе природнымъ свойствамъ и склонностямъ русскаго студента,—какія начала должны лечь въ основаніе корпораціи? Наша ежедневная пресса неоднократно указывала на устройство дерптскихъ и преимущественно гельсингфорскихъ корпораціи какъ на нѣчто образцовое. Едва ли примѣнимы у насъ во всемъ ихъ объемѣ порядки этихъ двухъ инородныхъ университетовъ. Какъ извѣстно, какъ въ Дерптѣ, такъ и Гельсингфорсѣ, въ основу корпораціи положено землячество, т. е. бѣльшая или меньшая связь корпоранта съ извѣстною мѣстностью. Такъ, въ «правилахъ о студенческихъ отдѣленіяхъ (afdelninger)» гельсингфорскаго университета положительно опредѣляется, чтобы «молодые люди немедленно по поступленіи въ университетъ

записывались въ одно изъ 6 отдѣленій ¹⁾, смотря потому, въ какихъ губерніяхъ они родились или имѣли мѣстопробываніе». Очевидно, что обуславливать группировку русскихъ студентовъ подобными географическими дѣленіями было бы не только неудобноприложимо, но и нецѣлесообразно. Не слѣдуетъ допускать слишкомъ многочисленнаго состава корпораціи, но еще менѣе практичны мелкіе студенческіе кружки по губерніямъ или даже болѣе обширнымъ территоріямъ. Но не вижу причины, почему бы не примѣнить намъ къ устройству корпорацій наше народное, артельное начало. Распредѣленіе студентовъ по артелямъ съ впередъ опредѣленнымъ максимумомъ ихъ численнаго состава представляетъ то удобство, что, не стѣсняя свободы ассоціаціи между земляками, товарищами по гимназії, друзьями и т. д., и соединяя общими интересами молодыхъ членовъ корпораціи съ болѣе опытными, охранителями полезныхъ традицій, тѣмъ самымъ дасть корпораціи устойчивость и возможность идти по пути историческаго развитія, подобно всякому другому благоустроенному гражданскому обществу. Корпораціи факультетскія и курсовыя далеко не соединяютъ въ себѣ такихъ условий устойчивости и развитія. Кромѣ того, должно замѣтить, что дѣленіе университетской науки на ежегодные курсы, какъ модусъ, стѣсняющій свободный выборъ занятій, не выдерживаетъ здравой педагогической критики, и рано или поздно долженъ быть замѣненъ порядкомъ, существующимъ почти во всѣхъ западныхъ университетахъ.

Э — г —

---

¹⁾ Эти отдѣленія носятъ слѣдующія названія: Нюландское, Саволакскъ-Карельское, Тавастландское, Западно-финское, Выборгское, Эстерботнское. Въ Дерптѣ въ настоящее время существуютъ землячества: Лифляндское, Рижское (fraternitas), Эстляндское, Курляндское и недавно возникшее Ново-Балтійское (Neo-Baltica). Временно существовали—Русское и Польское.

Авторъ.